

ЮРИЙ ПАВЛОВ

АЛЕКСАНДР БАЙГУШЕВ: ПОЖАЛЕЙТЕ ГОЛОГО КОРОЛЯ

Не одно десятилетие Александр Байгушев самозабвенно и без усталости твердит о своем элитном образовании и специфическом самообразовании. Однако почти в каждом абзаце байгушевских опусов можно найти примеры, свидетельствующие о вопиющей дремучести, элементарной необразованности, запредельной безграмотности их автора. Суждения Александра Иннокентьевича о литературе, критике, журналистике, истории, политике выявляют интеллектуально-профессиональный уровень человека, называющего себя то критиком, писателем, помощником Суслова, “партийным разведчиком”, то ответственным секретарём, то координатором “русских клубов” и так далее.

Цитаты из Байгушева буду приводить полностью, чтобы заранее снять упреки в искажении мыслей автора (естественно, я понимаю: для Александра Иннокентьевича и его безбашенных союзников любые факты, контраргументы – “божья роса”). К тому же, эти цитаты дадут возможность читателям “насладиться” языком, логикой якобы блестяще образованного человека. Если у кого-то в итоге случится нервный срыв, возникнут “экстремистские” желания (вынести такое издевательство над русским языком и здравым смыслом может не каждый!), то благодарственные письма отправляйте В.В. Огрызко, самому горячему поклоннику и самому настойчивому пропагандисту байгушевского таланта.

Незнайка на Луне

В статьях разных лет Байгушев периодически вспоминает Белинского, демонстрируя при этом такие знания и такой уровень мышления, что впору задать вопросом: где те “системные филологические познания”, то “системное образование”, о которых говорит Александр Иннокентьевич? В статье “Блистательный эстетизм Бондаренко” Байгушев с присущим ему топорным чувством языка пишет: “Да, и сам Виссарион Белинский вроде как печатался именно у себя, а не у чужих, и своих, именно своих авторов, у себя же в журнале “Современник” напечатанных, не только дотошно разбирал, но и пропагандировал, а где бы ему ещё место для пропаганды дали? Другие-то журналы были чужими” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Сначала замечу: “вроде как” у Байгушева – ничего не значащий оборот-паразит, как у Вячеслава Огрызко регулярно присутствовал оборот “честно говоря”, – до появления моей статьи “Честно говоря”, или Вячеслав Огрызко как литературный критик” (www.rospisatel.ru/pavlov_ogryzko.htm).

Теперь о Белинском. В “Современнике” критик печатался только в 1847 – 1848 годах. До этого “своими” журналами для Белинского были (называю в хронологическом порядке) “Телескоп”, “Молва”, “Московский наблюдатель”, “Отечественные записки”, “Литературные прибавления к “Русскому инвалиду”. Дольше всех “своим” журналом для Белинского являлись “Отечественные записки” (1840–1846).

Несостоятельно и следующее байгушевское сравнение: Бондаренко, подобно Белинскому, печатался в русском “ПоРоге”, а не в “еврейском “Вагриусе”. Однако в эпоху Белинского еврейских издательств и изданий не существовало. Чужими же критик считал, в первую очередь, славянофилов, их “Москвитянин”, “Московский литературный и учебный сборник”.

В той же статье о Бондаренко Байгушев называет его “продолжателем лучших традиций Виссариона Белинского, Аполлона Григорьева, Николая Стрехова, Александра Макарова, Вадима Кожинова”.

Если бы “напёрсточник с цитатами”, как, похваляясь, именует себя (вслед за якобы профессорами МГУ) Александр Иннокентьевич, читал не только Карла Маркса, Владимира Ленина, Вячеслава Огрызко, Александра Разумихина, но и Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Аполлона Григорьева, Фёдора Достоевского, Николая Стрехова, Василия Розанова и других русских мыслителей XIX века, то наверняка бы не поставил в один ряд Белинского с Аполлоном Григорьевым, Николаем Стреховым и другими славянофилами и почвенниками. К тому же Белинский и, скажем, Николай Стрехов представляют принципиально разные мыслительно-весовые категории. Об этом писал ещё Василий Розанов: “В сравнении с этой всеобщей мыслью (Стрехова. – Ю.П.) всё, написанное Белинским, мне показалось незначительным, бледным” (Розанов В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях. М., 1995).

Закольцовывая сюжет о Белинском, приведу два высказывания Розанова о критике, которые в полной мере применимы и к характеристике Байгушева: “Совершенное отсутствие в нём чувства России, отсутствие чувства русской истории”; “Прополз, как клоп, по литературе, кого-то покусал обличительно” (Розанов В. Сочинения. М., 1990).

И с критиками XX века А. Макаровым и В. Кожиновым, среди которых Байгушев прописывает Бондаренко, так же случился конфуз. На него первым обратил внимание Николай Кузин: “Особенно инородной здесь выглядит фигура А. Макарова, критика плодового, реактивного, но чересчур “пришпиленного” к злобе дня (50-м – 60-м годам прошлого века), а потому и не выдержавшего, на мой взгляд, испытание временем”; “Сравнение А. Байгушева нынешнего В. Бондаренко с “молодым” Вадимом Кожиновым (когда тот писал сугубо теоретические вещи!) выглядит не только странным, но и нелепым” (Кузин Н. Сервильный пафос Александра Байгушева. Литературная Россия. 2006. № 37).

Одной из лучших своих работ Байгушев называет “О саддукействе и фарисействе” (Москва. 1988. № 12). В ней автор демонстрирует свои знания уже по русской литературе XX века: “Борис Пастернак не мог не понимать и того, что его культ, насаждавший Н. Бухариным в обмен на славословие Сталину, ударил одним концом по Маяковскому, а другим – и куда сильнее! – по Есенину”.

Стихотворение “Художник” – “славословие Сталину” – опубликовано в 1936 году. Однако своё восхищение Пастернаком Бухарин выражал многократно ещё до появления данного произведения. Уже поэтому часть байгушевской версии – “в обмен на славословие” – выглядит надуманной.

Не менее уязвимы остальные “составляющие” суждения автора. Названное стихотворение не могло “ударить одним концом по Маяковскому” хотя бы потому, что в 1935 году Иосиф Сталин написал: “Маяковский был и остаётся лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи. Безразличное отношение к его памяти и произведениям – преступление”. Есенин же ко времени появления “Художника” поэтически, политически, человечески был давно “развенчан” кольцовыми, сосновскими, бухаринскими, луначарскими и прочими русофобами.

Таким же знатоком вопроса Байгушев предстаёт и в историко-политической “части” данного высказывания. Культ Пастернака, насаждаемый Бухариным, в ответ на “славословие Сталину” – одна из многочисленных примитив-

нейших “уток” Александра Иннокентьевича. В последний год жизни Бухарину, которого Байгушев ещё именует в своей статье “видным деятелем нашей партии”, явно не до насаждения культа Пастернака. В феврале 1936 года он перестает быть главным редактором “Известий”, затем его отправляют в “ссылку” – заграникомандировку. Летом состоялся Первый московский процесс, на котором обвиняемые назвали Бухарина сообщником, и далее события разворачивались по нарастающей...

О своих современниках Байгушев наговорил не меньше нелепостей, чем о критиках и писателях XIX – первой половины XX веков. О том же Юрии Кузнецове мы узнаем, что “к концу своего жизненного пути он ездил с нами, отчаянными русскими патриотами, на массовые патриотические выступления-митинги. Литераторы передрались, даже Виктор Астафьев дрогнул – подписал гнусное письмо в поддержку расстрела Верховного Совета, за Ельцина и либералов против патриотов. А Юрий Кузнецов, напротив, из стана либералов и авангардистов пришёл к почвенникам и патриотам. Да, он сделал трудный выбор, это было его вызовом ельцинскому предательству” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Понять невозможно, на основании каких фактов творческой биографии Юрия Кузнецова Байгушев сделал такие выводы. Мировоззренчески и творчески Кузнецов никогда не был либералом. Проиллюстрирую сказанное только одним примером. В отличие от Вознесенского и других “апрелевцев”, славивших Горбачёва и перестройку, Кузнецов в “Откровении обывателя” 1987 года называет Горбачёва Иудой, перестройку – адским планом. Известие о гласности вызывает предсказуемую реакцию: “Я чихал на подобную гласность!” Юрий Кузнецов прекрасно понимает сущность происходящего: “Но о главном и в мыслях молчат, // Только зубы от страха стучат”. Не знаю, стучали ли зубы от страха у Байгушева, но он, как и водится у политических проституток, писал так, как надо, политически грамотно (примеры – в следующей главе).

Что же касается упомянутого Байгушевым Астафьева, то он “расстрельного письма” не подписывал. Как сообщает писатель В. Линнику 14 января 1994 года, его подпись под письмом была “присобачена” без согласия с ним. Однако через короткое время Астафьев “уяснил для себя – подпись моя, стоявшая среди достойных людей нашего времени, уместна, и я поставил её, считайте, задним числом” (Астафьев В. Нет мне ответа...: эпистолярный дневник. М., 2012). В этом признании закономерно проявился “поздний” Астафьев. О его “порче” (В. Бондаренко) свидетельствуют письма, интервью, произведения последних лет. Высказывания Астафьева о русском народе, истории, Великой Отечественной войне, о многих современниках звучат в согласии с оценками русофобов разных мастей.

И, наконец, о ельцинском предательстве 93-го года можно было бы говорить, если бы до этих трагических событий он вёл себя достойно. У Ельцина же был, как отмечал ещё Игорь Дедков, “энтузиазм предателя”, который он воплотил в многочисленные преступления против своего народа.

Все вышеназванные “достоинства” Байгушева нашли воплощение в последнем опусе автора “Гришка Отрепьев нашего времени” (Литературная Россия. 2016. № 12, 13). Особенно неумно выглядит его стремление сделать из Александра Разумихина “близкого друга Юрия Селезнёва”, достойную альтернативу Станиславу Куняеву и Александру Казинцеву. Байгушев видит мою “дремучую невежественность” в том, что я “поручил основной доклад” на “вечере памяти Селезнёва” не Ю. Лощицу, А. Разумихину, В. Ганичеву, а А. Казинцеву.

Прежде чем рассуждать о чьём-то невежестве, Александр Иннокентьевич, научитесь отличать “вечер памяти”, которого не было, от научной конференции, проходившей второй раз. И на этих Селезнёвских конференциях, как и на десяти предыдущих Кожинских, я не назначал основного докладчика. На пленарном заседании, как правило, выступали 6–8 человек. У Вас, Александр Иннокентьевич, примитивно административно-партийные представления о научных конференциях и людях вообще.

Вы, Александр Иннокентьевич, в своём последнем опусе только и делаете, что навешиваете ярлыки и говорите абсолютную чушь о Станиславе Куняеве, Александре Казинцеве, Александре Проханове, Владимире Бондаренко, обо мне, грешном, и других.

Для полноты картины приведу несколько высказываний Байгушева, связанных между собой лишь “знаниями”, “эрудицией”, “уникальной логикой”, “оригинальным мышлением” бывшего “партийного разведчика”, а ныне главного автора “Литературной России”.

1. “Наш советский авангард 20-х годов, расчищая себе полигон, сразу начал сбрасывать Пушкина с корабля современности, и делал это не какой-то Бурлюк, а сам Владимир Владимирович Маяковский”.

Человеку с двумя высшими гуманитарными образованиями, с “системными филологическими познаниями” неловко сообщать то, что известно любому адекватному школьнику. Авангардисты во главе с Маяковским “начали расчищать себе полигон” ещё при Николае II. Литературный манифест футуристов “Пощёчина общественному вкусу” был опубликован в декабре 1912 года, и его подписали “какой-то Бурлюк”, В. Маяковский, А. Кручёных, В. Хлебников. И, конечно, сбрасывать с “парохода современности” предлагали не только Пушкина, но и “Достоевского, Толстого и проч. и проч.”, то есть всю русскую классику. Однако именно в советское время, в 1923 году Маяковский выдвинул тезис учёбы у “национализированных классиков” (Маяковский В. В кого вгрызается ЛЕФ? // Маяковский В. Полн. собр. соч. В. 13 т. Т. 12. М., 1959).

2. “Каким-то седьмым чувством <...> Брежнев почувствовал, что лауреат Нобелевской премии Солженицын, затем лауреат Нобелевской премии Бродский, теперь вот явно направленно раскручиваемая дикая популистская история вокруг Высоцкого – это, конечно, карты в политической игре ЦРУ”.

Сюжет типично байгушевский: он приписывает Брежневу свои мысли и чувства, вопиюще противоречащие общеизвестным фактам. “Седьмое чувство” Брежнева уже потому “утка”, что Нобелевским лауреатом Бродский стал через 5 лет после смерти Леонида Ильича.

3. “Но “вторую эмиграцию” всегда и в КГБ, и в ЦРУ равно относили к **андергаунду**” (так у автора. – Ю. П.).

Это о ком такая несусветная чушь говорится? О Григории Климове, Иване Елагине, Иване Солоневиче? Однако к концу текста выясняется, что Байгушев не знает элементарного. Для него “вторая волна” эмиграции – лагуна, поэтому “третью волну” он называет “второй”. Судите сами: “Наум Коржавин тоже наш русский эмигрант “второй волны”.

4. “Рецензенты, – ещё раз подчеркну, что априори, то есть дружно сговорившись не читать саму книгу, – уже метят маститого литературного критика, как еврея из гетто жёлтым пятном на спине, жирной рубрикой: “Книга – провал” (авторская пунктуация сохранена. – Ю. П.).

О книге Бондаренко “Живи опасно” опубликованы рецензии, как положительные, так и отрицательные, причём первых было больше вторых. Байгушев же сообщает только о последних. Более того, рецензенты якобы не только сговорились не читать критика (такое может придумать только сверхдремучий большой человек), но и своеобразно “пометили” его.

Байгушевская фантазийная реальность держится только на названии рубрики “Книга – провал”, в которой была напечатана рецензия Ильи Колодяжного. Тогда, если следовать логике Байгушева, все писатели, о которых появились и появятся рецензии в этой рубрике, попадают в разряд “евреев из гетто”? Автор же “жирной рубрики”, возмущившей Байгушева (как и всех других в “Литературной России”), – Вячеслав Огрызко.

5. “А в “деревенской прозе” и вовсе был тогда только её прародитель – “Матрёнин двор” Александра Солженицына”.

Байгушев, называющий себя русским патриотом, повторяет этот распространённый примитивный либеральный миф. Он легко опровергается хронологически (большинство авторов “деревенской прозы” опубликовали свои произведения ещё до “Матрёниного двора”) и сущностно. “Деревенская проза” (не беру, конечно, “позднего” Астафьева) и проза Солженицына – это, чаще всего, диаметрально противоположные ценностно-художественные миры (об этом я говорю в статье “Александр Солженицын о творчестве Василия Белова”. “Наш современник”. 2015. № 4).

В завершение этой части разговора приведу цитаты с минимальными комментариями или без них. Эти цитаты, думаю, являются штрихами к автопортрету “Незнайки на Луне”.

“Анна Дмитриевна Ахматова (Браво, Байгушев! Так Анну Андреевну ещё никто не называл. – Ю. П.) сделала абсолютно верный вывод <...>”; “Вообще

вся советская литературная критика (60–80-х гг. — Ю. П.) было (так у автора. — Ю. П.) сплошным эвфемизмом” (В том, что это совсем не так, легко убедиться, открыв статьи Михаила Лобанова, Вадима Кожина, Юрия Селезнёва, Анатолия Ланщикова, Игоря Золотусского, Станислава Куняева, Игоря Дедкова, Льва Аннинского, Александра Казинцева, Владимира Бондаренко и десятков других критиков разных направлений. — Ю. П.); Валентин Распутин “очень талантлив как публицист, но, по-моему, слаб как прозаик и уже совершенно беспомощен как политик (это ведь с его дурацкого выступления на съезде народных депутатов начался развал Советского Союза)” (Умрите, Александр Иннокентьевич, глупее не скажешь! — Ю. П.); “Михаилу Казакову (Козакову. — Ю. П.) вставить песни Высоцкого”; Сергей Кургинян — “духовный отец Проханова”; “тут он (Бродский. — Ю. П.) был таким законченным имперским поэтом, что самому Проханову сто очков даст вперёд”; Бродский “даже был слегка антисемит”; “А вот у “третьего рейха” что-то надо взять. То, как можно быстро поднять из руин сверхдержаву <...> А Ницше? Он нам очень пригодится”.

Воинствующий мифотворец

В книгах, статьях, интервью последних примерно 20-ти лет одни и те же истории рассказываются Байгушевым по-разному. Часто диаметрально противоположно оцениваются многие политики, писатели, критики. Из огромного количества примеров приведу один: в 1988 году Байгушев, в очередной раз перестроившись, в статье “О саддукействе и фарисействе” писал: “Я из поколения “шестидесятников”, крещённого очищающим антисталинистским XX съездом КПСС <...>”; “Мы приняли XX съезд не бездумно, а всем сердцем, как сейчас молодые ребята — XXVII съезд КПСС, возвративший обществу обнадёживающие идеи 1956 года и развивший их революционную суть”.

Однако в XXI веке Байгушев в очередной раз “прозрел”, сменил вехи, и Хрущёв для него теперь — “абсолютно неграмотный прохиндей и самодур, законченный троцкист и сатанист”, который “оклеветал Сталина”. Брежнев же “застой” приписали” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Закономерно, что одни авторы называют Байгушева Хлестаковым, Ноздрёвым, другие — флюгером, третьи советуют ему обратиться к психиатру. Но есть и те, кто верят Байгушеву (понятно, о чём это свидетельствует), либо делают вид, что верят, используя его очевидную, запредельную ложь в своих целях. Обращусь к нескольким сюжетам, дающим дополнительные представления о выдающемся мифотворце нашего времени.

Байгушев любит рассказывать о своей подвижнической русской деятельности в издательстве “Современник”. Его истории предсказуемо не соответствуют жизненным реалиям. Например, рукопись книги Михаила Лобанова “Надежда исканий” зарезали в издательстве из-за отрицательной внутренней рецензии Байгушева. По свидетельству Лобанова, несгибаемого русского критика с безупречной репутацией, в рецензии Байгушева утверждалось, что “автор отходит от принципа классовости и партийности, с реакционных славянофильских позиций трактует народность” (Лобанов М. Вынужденный комментарий. Как оказался в патриотах-“шестидесятниках” Елизавет Воробей. “Новая книга России”. 2006. № 11). Байгушев дал и “правильные” рекомендации по улучшению книги: “Рукопись должна открываться статьей в духе марксистско-ленинской методологии, и в этом направлении её необходимо коренным образом переработать”.

Уже в годы перестройки Байгушев писал иначе о времени, когда он был на коне и выносил приговоры, писал, ориентируясь на “новое мышление”, в свойственной ему лакейской манере: “Сейчас же не брежневские времена, чтобы заставлять критиков славословить художественную посредственность” (Байгушев А. О саддукействе и фарисействе. М., 1988. № 12).

Говоря о славословии, Александр Иннокентьевич, конечно, имеет в виду себя. Настоящие же критики ни при каких обстоятельствах не славословили посредственность, да и вообще не писали против совести.

Внутренняя рецензия Байгушева на книгу одного из лучших критиков второй половины XX века — типичный образец вульгарно-социологического дубинового мышления, которое, как показало время, стало визитной карточкой “интеллектуала” из “партийной разведки”. Юрий Козлов прав, предлагая

рассматривать последний байгушевский опус (“Литературная Россия”. 2016. № 12, 13) “как литературный памятник советской эпохе, наглядно иллюстрирующий особенности тогдашнего критико-полемического мышления” (Козлов Ю. Наказание невиновных. “Литературная Россия”. 2016. № 14). Справедливости ради замечу: в низости и подлости Байгушев превзошёл подавляющее большинство своих современников.

Но вернёмся к издательству “Современник” и к начальникам Александра Иннокентьевича. Само издательство он называет “неистово русским”, “русским раем”, а его директора, Юрия Прокушева, характеризует так: “знаменитый литературовед”, “мэтр, литературный критик, великий знаток поэзии”. Но особенно впечатляет сравнение, где появляется главный редактор издательства, “самоотверженный помощник” директора: “И Сорокин был в “Современнике” у Прокушева, как полководец Жуков у Сталина в Отечественную войну” (Байгушев А. Могучее восхождение Валентина Сорокина. “День литературы”. 2006. № 1).

Именно в книге “Культовый поэт русских клубов Валентин Сорокин. 15 тайн русского сопротивления” (М., 2008) Байгушев превзошёл в славословии всех мне известных акынов. Однако через 4 года Александр Иннокентьевич в беседе с Вячеславом Огрызко заявил: “Я, кстати, в “нулевые” годы написал о нём (Сорокине. — Ю. П.) книгу. Но критики мою работу неверно истолковали. Я вовсе не утверждал, что Сорокин — гений. Сорокин — это политический поэт, и только. Он, конечно, не классик, крупного поэта из него хотел сделать, кажется, бывший комсомольский вожак Тяжелников, благо они оба были из Челябинска. Но ему не хватило, что называется, дышалки” (вот, оказывается, в чём секрет рождения крупного поэта — “дышалка” покровителя. — Ю. П.) (Байгушев А. Глаза и уши партийной разведки. “Литературная Россия”. 2012. № 16).

Видимо, сюжет с Сорокиным, как никакой другой, даёт наилучшее представление о человеческих и творческих талантах Байгушева. Он, бессчётное количество раз называвший Сорокина гением, зная негативное отношение Огрызко к поэту, в беседе с Вячеславом Вячеславовичем включает “заднюю скорость”, ссылаясь на абстрактных критиков. Для освежения памяти Байгушева, для иллюстрации его исследовательского уровня и человеческой сущности приведу ударные места из его статьи.

Определяя масштаб личности и творчества поэта, Байгушев сравнивает его с Некрасовым, Блоком, Есениным, Маяковским, Горьким, Тютчевым, Василием Суриковым, Георгием Жуковым. “Скромняга” из “партийной разведки” называет Сорокина “наследником древнерусского пламенного “Слова”, “великим русским поэтом”, который “осуществил своё могучее восхождение на вершину русского Парнаса, где имя его сейчас стоит рядом с самыми выдающимися поэтами в русской истории” (Байгушев А. Могучее восхождение Валентина Сорокина. “День литературы”. 2006. № 1).

Покорив Эльбрус славословия, упорный акын на этом не останавливается и начинает восхождение на Эверест. Перед тем, как прочесть следующие откровения Байгушева, выпейте “Афобазол” или что-нибудь покрепче: “чудо Господне”, “знак Господний”, “только у Сорокина душа всегда нараспашку, сердце звенит, как колокол, а русские слова — струны, на которых играет Господь”.

Невольно вспоминаются строки Маяковского: “Вы думаете, это бредит малярня?” Нет, это Александр Байгушев так выражает своё прохладное отношение к “политическому поэту”, “не классику”.

Самая скандально известная книга Байгушева — “Русская партия внутри КПСС” (М., 2005). Михаил Лобанов одним из первых откликнулся на её выход. Он назвал книгу “опусом”, а самого Байгушева — “журналистом”, “борзописцем”, “соглашатаем”, “человеком из породы мелкотравчатых”, “потешным героем, который пытается войти в историю задним числом”. Михаил Лобанов убедительно развенчивает различные мифы “партийного разведчика”, начиная с главного, вынесенного в название книги. Его пропущу, ибо об этом уже писал, последний раз именно на примере Байгушева и Огрызко, главных трансляторов мифа о “русской партии” (www.rospisatel.ru/pavlov_ogryzko.htm).

Обратимся к байгушевской версии создания “Письма одиннадцати” (“Огонек”. 1969. № 36), о которой он говорит и в книге, и в статьях, и в интервью. Говорит, в частности, так: “Нами было организовано оперативное письмо одиннадцати крупнейших русских писателей в защиту “Молодой гвардии”, и, преодолев цензуру (письмо это прошло-таки через её стену — я для этого

использовал все свои “права”), оно попало на страницы воскресного “Огонька” — прямо под очи Брежнева... Мы поработали над письмом основательно”. Более того, “мы не жаловались, не вздыхали, не скулили, мы чётко формулировали нашу программу и не боялись, что хуже “них”, хуже какого-нибудь липового доктора наук из Отдела пропаганды Яковлева знаем свою историю”.

Однако реальные авторы письма (М. Лобанов, О. Михайлов, В. Чалмаев, Н. Сергованцев, В. Петелин) и те, кто изучал данный вопрос (В. Твардовская), фамилию Байгушева не называют вообще. Хорошо замаскировался “партийный разведчик”!

И о дальнейшей судьбе письма Виктор Петелин рассказывает принципиально иначе: “Показали Никонову и Анатолию Иванову, которые тут же поехали в “Огонек” к Анатолию Софронову. И началась доработка нашего текста “Письма в редакцию” (Петелин В. Мой XX век: счастье быть самим собой. М., 2009).

Доработанный в “Огоньке” вариант письма Петелин оценивает вновь не так, как Байгушев, вообще будто письма не читавший: “Письмо” было тоньше, глубже, не было грубого социологизма, которым напичкали “письмо” во время редактирования в “Огоньке”...”.

И ещё: мысль о Яковлеве не могла возникнуть у авторов “Письма одиннадцати”. У Байгушева произошёл сущностный и хронологический сдвиг. “Американист” Яковлев научные труды об отечественной истории не писал (его скандально известная статья “Против антиисторизма” появилась через 3 года). Он защитил свою диссертацию по “интересной” теме: “Политическая наука США и основные внешнеполитические доктрины американского империализма (критический анализ послевоенной политической литературы по проблемам войны, мира и международных отношений 1945–1966 гг.)”.

Особенно любит Байгушев рассказывать истории о людях, которых уже нет в живых. Здравствующие современники могут опровергнуть его ложь, что уже сделали в разное время Михаил Лобанов, Станислав Куняев, Владимир Бушин, Владимир Бондаренко, Николай Кузин, Александр Казинцев, Александр Васин, Иван Шевцов, Сергей Куняев, Юрий Козлов и другие.

Из книги Байгушева о Сорокине приведу эпизод, достойный Бояна наших дней: “Мы поехали с главным редактором “Современника” Сорокиным и большой компанией во главе с тамадой Иваном Шевцовым (как же без него! раз его антисемитом объявили, мы ему громадный роман “пробили”) в ресторан “Балчуг”, где ещё мои предки гуляли <...>. Там крепко напильсь и пели “Отмстим неразумным хазарам!” А когда вышли из ресторана на улицу, то нам всем было видение: златоглавый Кремль вдруг оторвался от земли и повис на белом облаке, как град Китеж. Несколько минут длилось это видение. Мы все попадали на колени — крестились”.

Умный, ироничный Владимир Бушин так отреагировал на этот эпизод: “Какое величественное сочетание грандиозного патриотизма с потрясающим полоумием!.. Я позвонил Ивану Михайловичу Шевцову, прочитал ему этот текст и спросил, что он думает. Иван ответил: “Во-первых, град Китеж не вознесся на небеса, а наоборот — погрузился в озеро. Во-вторых, Володя, за всю свою долгую жизнь я никогда не был в ресторане “Балчуг” и даже не знаю, где он находится. В-третьих, какой там мой роман они “пробили”?” (Бушин В. Живые и мёртвые классики. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=108823&p=19>).

Не менее оригинальные истории Байгушев сочиняет об усопших. Вот что он, например, рассказал он о Дмитрии Лихачёве в беседе с Вячеславом Огрызко. Время действия — 70-е годы. “Суслов в то время думал о том, что бы противопоставить Западу в идейной борьбе. Кто-то посоветовал ему поднять древнерусскую литературу. Лучше Лихачёва, на взгляд Суслова, с этой задачей вряд ли кто мог бы справиться. Хотя у него были свои недостатки и, в частности, связи с масонскими ложами. Одновременно Лихачёв должен был помочь нам справиться с одной задачей.

В общем, после очередного собрания в обществе охраны памятников мы вышли с Лихачёвым на Покровский бульвар и стали пить водку. Лихачёв сразу понял, что я хочу, и тут же отрезал: мол, на партийную разведку работать не буду. Ну, я объяснил ему, что никому не интересны академические дрязги, кто с кем спит. От него требовался добросовестный анализ ленинградской ситуации (за это я был уполномочен обещать ему получить, в частности, звание академика и Ленинскую премию)” (Байгушев А. Глаза и уши партийной разведки. “Литературная Россия”. 2012. № 16).

Как известно, “поднимать древнерусскую литературу” Лихачёв начал ещё до великой войны, кандидатскую защитил в 41-м по “Новгородским летописным сводам XII века”, а через 6 лет стал доктором наук. В 53-м году Лихачёв был уже членом-корреспондентом Академии наук СССР, в 1970-м – академиком. Известные работы Лихачёва перечислять не буду, но вот премии назову: в 1952 году Лихачёву была присуждена Сталинская премия, в 1969 – Государственная премия СССР. Так что жизнь Лихачёва шла независимо от Суслова и, тем более, от Байгушева. Интереснее другое: почему собеседник Байгушева, Огрызко, на эту ахинею никак не отреагировал?

Удивляет постоянная мировоззренческая смена вех Байгушева, порождающая различные версии, и все не в пользу Александра Иннокентьевича. Так, в своей программной статье “О саддукействе и фарисействе” Байгушев утверждает, что слово “авангард” “сейчас самое модное слово”. Но уже в XXI веке Байгушев вдруг – не знаю, под воздействием чего – заявляет: “Внутри творческих союзов писателей <...> по-прежнему авангардизм табуирован, как зона для прокажённых” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007). Александр Иннокентьевич, видимо, запаятовал, что писал ранее. К тому же он в очередной раз продемонстрировал свою профессиональную компетентность: байгушевская “табу-зона” наводит на мысль, что в XXI веке Александр Иннокентьевич не открывал журналы и газеты, книги, учебники, монографии, диссертации, в которых тема авангарда – одна из самых популярных.

В той же статье “О саддукействе и фарисействе” Байгушев характеризует авангард как явление чужеродное, разрушительное по отношению к русской литературе, культуре, народу, стране. Вот только некоторые высказывания автора: “В основе своей авангардизм индивидуалистичен”; “Если он и поднимается до общенародных проблем, то сам народ у него тотчас превращается в “толпу”, безликую массу, которой должны повелевать “вожди”; “Насилие в крови авангардизма”; “Вспомнить об идейной связи троцкизма и авангардизма сейчас для нас очень важно, чтобы не повторить ошибок прошлого, не поддаваться манипулированию левой фразой и снова не оказаться в жёстких объятиях тоталитаризма”; “бухаринский авангардизм породил такое явление, как “ждановщина”.

Однако через годы Байгушев, не обладающий способностью самостоятельно мыслить, своеобразно препарировав мысли Проханова и Бондаренко, неожиданно открывает “вдохновенный благородный авангард” 20-х годов XX века и “авангард светоносных Юрия Кузнецова, Бродского, Проханова” (Байгушев А. Блистательный эстетизм Бондаренко. // Бондаренко В. Трудно быть русским. М., 2007).

Помимо смены вех восхищают и резус-конфликтный ряд писателей, и новаторская терминология. О последней скажу очевидное: Бог – источник света, авангард же отрицает Христа.

Пиши по-русски

На десерт я предлагаю языковые деликатесы от Байгушева. Его тексты производят впечатление, что их написал иностранец или русский с сильными отклонениями – умственными и психическими. Поражает незнание как самых элементарных правил русского языка, так и значения многих слов. Из россыпи байгушевских шедевров я приведу несколько, но таких, которые в комментариях не нуждаются.

“Входя в конструкция “Живи опасно”, я с удовольствием перечитал и портрет Юрия Кузнецова <...>”; “Вслед за Львом Аннинским, не выстраивается в хвост ни Ганичеву с Распутиным, ни Гранину с Татьяной Толстой”; “Пить с Высоцким для Евтушенко было с удовольствием”; “Видимо, не мог забыв, как его сдали свои в Ленинграде”; “Оценки в литературной критике были вынужденно перекошены”; “Я помню Юрия Кузнецова не только в издательстве “Современник”, где он от Вознесенского пришёл <...>”; “Но по своим эстетическим идеалам оставшийся крайним индивидуалистом”; “Критик наклеивает ярлык и наблюдательно собирает под него свидетельства”; “Умел говорить эфемизмами и иносказаниями”; “Муссируется мнение, что литературный манифест “Живи опасно” – книга черносотенная в самом русском, самом благородном звучании этого слова”; “Превратили голубой экран в полную

помойную яму, на которую сегодня только кретин не плюётся”; “Умеют цитатами, как булавками, жонглировать”; “Дмитрий Быков с сионистской физиономией на обложке своей книги”; “Ах, Володя, Володя, ну как ты посмел подойти к нашему книжному, рыночному подиуму, сунув, как ребёнок, наивно палец в рот, при всех ляпнуть, что ты тоже не хухры-мухры, нюхал собственным носом модернизм?”

* * *

Итак, если суммировать сказанное, то в остатке получим: Байгушев – это голый король. Голый “партийный разведчик”. Голый писатель. Голый критик. Человек без элементарных гуманитарных знаний, напрочь лишённый чувства русского языка. Байгушев не умеет логически мыслить, но умеет придумывать самые невероятные истории о себе и других. В результате рождаются мифы, которые могут дезинформировать неподготовленного читателя.

Байгушев – человек без чести и совести. Он не просто политическая проститутка, не только хамелеон, но и воинствующий лакей, специализирующийся на политических доносах, грязных сплетнях, ярлыках.

Волну возмущений вызвал последний опус Байгушева “Гришка Отрепьев нашего времени”. Владимир Бондаренко, первым откликнувшийся на сей текст, назвал его “мерзейшим политическим доносом” и дал объективную оценку очередному “шедевру” “политического разведчика” (Бондаренко В. Доносы закулисного человека. “День литературы”. 2016. № 4). Бондаренко считает, что провокаторы Байгушев и Огрызко привносят хаос в русский стан. Вердикт критика таков: “Пора выкорчёвывать”.

Я, не менее Бондаренко возмущённый текстом Байгушева, всё же думаю, Александра Иннокентьевича нужно, прежде всего, пожалеть, как несчастного человека, как голого короля, банкрота. А с “творениями” Байгушева нужно периодически знакомить молодых журналистов, филологов, писателей, критиков как с образчиками того, как нельзя писать, ибо такое “творчество” – грех.